

PRZEKŁADOZNAWSTWO

Jolanta Józwiak
Bydgoszcz

Сноска как один из способов передачи культурологической информации в переводе

Как в современной теории перевода, так и в переводческой практике довольно много места посвящено проблемам, связанным с передачей культурного содержания единиц текста оригинала. Отражение языковых единиц с культурной коннотацией всегда является сложной задачей. Однако с точки зрения переводчика своего рода вызов представляют собой тексты, в которых наблюдается накопление культурной информации, как эксплицитного, так и имплицитного характера. Конечно, чем больше такого рода элементов, тем более существенные проблемы могут возникнуть во время процесса перевода, причем трудности могут появляться на различных уровнях.

Материалом для проведения исследования послужили примеры из детективного рассказа представителя современной русской прозы Бориса Акунина *Перед концом света* из тома *Нефритовые четки* и текста перевода Эвы Роевской-Олеярчук на польский язык *Przed końcem świata*.

На примере исходных единиц и их польских соответствий стоит проанализировать, какие возможности выбора имеет переводчик и как на практике реализуются принятые стратегии передачи ономастических, ассоциативных и бытовых реалий, указывающих на национальную принадлежность наименованного предмета мысли и способствующих сохранению в переводе национального колорита оригинала¹.

В исследуемых текстах выступает довольно много культурно обусловленных языковых единиц, и поэтому предлагается рассмотреть проблему на примере избранных групп лексики, которые, по нашему мнению, являются наиболее яркими источниками возникновения впечатления чуждости при восприятии текста перевода польскими реципиентами. Итак, выделяются:

¹ В. С. Виноградов, *Перевод. Общие и лексические вопросы*, Москва 2006, с. 110.

1) имена собственные, т. е. антропонимические и топонимические наименования; 2) наименования полицейских чинов, а также звания в церковной иерархии; 3) ссылки на общественно-исторические события; 4) единицы, требующие замены культурного фона; 5) бытовые реалии.

Антропонимические и топонимические наименования

В анализируемом материале имена собственные передаются с использованием общепринятых в польской переводческой традиции способов, т. е. прежде всего транскрипции, например, *Христофор Иванович Лебедев* – *Christofor Iwanowicz Liebiedew*, иногда применяется полонизированное соответствие или установленный аналог, ср. *Алоузий Степанович Кохановский* – *Alojzy Stiepanowicz Kochanowski*, а также, как следует из примеров, их смешанные варианты.

Как отмечает Венедикт Виноградов, „транскрибируемое слово не механически вводится в язык перевода при помощи его графических средств”². Поэтому, например, персоналии различных видов нуждаются в особом подходе при передаче их в другую языковую систему во время процесса художественного перевода³. Проблема тем существеннее, что русский язык отличается от польского наличием отчества, и при этом не только в составе модели *имя + отчество + фамилия*, но также без последнего ее элемента. Такой прием возможен, поскольку отчество содержит достаточную семантическую нагрузку с точки зрения носителя русского языка и вызывает преднамеренные автором текста ассоциации, чего вообще невозможно достигнуть у представителей польской (и любой другой) культуры. Примером может здесь послужить пара соответствий *Сергей Геннадьевич* – *Siergiej Giennadjewicz*, которая оказалась настолько непонятной, что переводчик принял решение о введении сноски: „*S. G. Nieczajew, rosyjski rewolucjonista, zmarły w 1882 r. w Twierdzy Pietropawłowskiej*”⁴. Может быть, надо было сразу употребить узуально-транскрипционный эквивалент в полной модели, т. е. *Siergiej Giennadjewicz Nieczajew*, и отказаться от сноски.

К именам собственным, являющимся т. н. потенциальными носителями чуждости, принадлежат топонимические местные наименования, особенно тогда, когда включают иноязычный классифицирующий элемент⁵. В ана-

² Ibidem, с. 121.

³ **Проблеме передачи культурологической информации, содержащейся в антропонимических наименованиях**, посвящается статья автора *Культурологическая информация антропонимов в переводческой практике*, [в:] *Русистика и современность. 13-я Международная научная конференция. Сборник научных статей*, Рига 2011, с. 546-550.

⁴ В. Akunin, *Przed końcem świata*, [в:] В. Akunin, *Nefrytowy różaniec*, Warszawa 2009, с. 431. Далее цитаты приводятся по указанному изданию. В скобках после цитаты обозначаются инициалы автора и указывается страница.

⁵ Lewicki, *Obcość w odbiorze przekładu*, Lublin 2000, с. 47.

лизируемом тексте наименования деревень передаются согласно правилам польской записи, ср. *Бахрома* – *Vachroma*, *Бесчегда* – *Beschegda*, *Богомилово* – *Bogomiłowo*, *Денисьево* – *Dienisjewo*, *Латынино* – *Łatynino*, *Рай* – *Raj*, *Салазкино* – *Salazkino*, *Стержевец* – *Stierżeniec*, с сохранением не называющих прямо денотатов, но специфических в данном случае для деревень и сел окончаний *-ово*, *-ево*, *-ино*. Появляются также единицы, в которых классифицирующий элемент значения получает формальное выражение другим путем, т. е. является неотъемлемой частью самого названия, ср. *Старосвятский скит* – *Pustelnia Staroswiatska*, *часовенка Параскевы Пятницы* – *kaplica Paraskiewy Piatnicy*, или обозначение денотата вливается в топоним⁶ – в приведенном ниже примере с сохранением характерной для русского языка словообразовательной структуры, ср. *Зелень-озеро* – *Zieleń-jeziuro*.

Усиление восприятия лексической единицы как чужой обнаруживается также в географических названиях производного характера от названий городов *Орловщина* – *Orłowszczyzna* и *Рязаницина* – *Riazańszczyzna*. Такие единицы образованы по существующей в польском языке словообразовательной модели, но поскольку, с одной стороны, в употреблении находится небольшое количество слов с такой структурой, а, с другой стороны, суффикс *-szczyzna* присоединяется к транскрибированной словообразовательной основе, польский читатель ощущает их чуждость.

Нельзя забывать также о примерах из т. н. третьей культуры, которые понимаются как „такие элементы исходного текста и/или текста перевода, которые являются чужими, как в языке и культуре оригинала, так и в языке и культуре перевода”⁷. В рассматриваемом контексте они не вызывают, однако, особых переводческих проблем, потому что используются принятые в обоих языках, образованные согласно применяемым в отдельных языках правилам, узуальные соответствия, ср. *Ераст Коринфянин* – *Erast z Koryntu*, *Массачусетс* – *Massachusetts*, *Нерон* – *Neron*, *Нью-Йорк* – *Nowy Jork*, *Эфиальт* – *Efialtes* (демон скверных снов).

Наименования полицейских чинов, а также звания в церковной иерархии

Поскольку, с одной стороны, главным сюжетом произведения Акунина является криминальная загадка, а с другой стороны, действие происходит в среде старообрядцев и тесно связано с их религиозными убеждениями, то в анализируемом материале появляется довольно большое количество

⁶ Д. И. Ермолович, *Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи*, Москва 2005, с. 269.

⁷ D. Urbanek, *Pęknięte lustro. Tendencje w teorii i praktyce przekładu na tle myśli humanistycznej*, Warszawa 2004, с. 160.

наименований полицейских чинов, а также терминов, связанных с православной религией, и званий в церковной иерархии. Такого рода лексика, согласно классификации Виноградова, относится к реалиям государственно-административного устройства и общественной жизни⁸. Имеются в виду следующие примерные единицы: *исправник* – *isprawnik*, *урядник* – *uriadnik*, а также *раскольники* – *raskolnicy*, *раскол* – *raskoł*, *беспоповцы* – *bezpopowcy*, *поп* – *pop*, *дьякон* – *diakon*, *игумен* – *ihumen*, *протопоп* – *protopop*, *протоерей* – *protorej*. Такие слова, как *diakon*, *pop* считаются ассимилированными польским лексиконом и не сопровождаются сносками. Перечисленные единицы неоднородны с точки зрения переводящего языка, что проявляется именно в наличии/отсутствии сносок, которые настолько многочисленны в польском варианте рассказа, что их присутствие следует считать в данном случае переводческой стратегией. В этом плане по неизветсным причинам слово *isprawnik* не обеспечено соответствующей сноской, а для польского реципиента не очевидно, что это „с 1775г. глава нижнего земского суда – уездного полицейского учреждения”⁹.

На первый взгляд могло бы показаться, что к упомянутой группе причисляются также слова: *bezpopowcy*, *protorej*, *protopop*, *raskolnicy*, *raskoł*. Действительно, в тексте рассказа они появляются без сносок, но им предшествует предтекстовая историческая заметка о старообрядцах, находящаяся в томе перед польским текстом произведения. Из этого следует, что данная культурологическая информация была оценена переводчиком как самая существенная и как абсолютный минимум знаний о старообрядцах, без которого правильное восприятие фоновой информации представителями польской культуры невозможно.

Другие активизирующие восприятие чуждости слова встречаются с краткими сносками, ср. *uriadnik* „Podoficer policji”, *ihumen* „Przełożony klasztoru”, *panichida* „Nabożeństwo żałobne”. Сжатость объяснений, которые переводчиком помещаются в сносках, даёт возможность установить соответствия путем перифрастического перевода, тем более, что перифраза „нередко совмещается с транскрипцией, заменяя подстрочный комментарий и делая более естественной и соответствующей оригиналу переводную авторскую речь, коль скоро ее не прерывает сноска”¹⁰.

Как следует из приведенных примеров, в польском переводе в рамках одной стратегии имеем дело с градацией степени эксплицитности культурной информации.

⁸ В. С. Виноградов, указ. соч., с. 110.

⁹ Л. В. Беловинский, *Энциклопедический словарь российской жизни и истории. XVIII–начало XX в.*, Москва 2004, с. 258.

¹⁰ В. С. Виноградов, указ. соч., с. 119.

Ссылки на общественно-исторические события

Проблема передачи еще усложняется, если в исходном тексте появляются словосочетания, только посредственно, ассоциативно указывающие на исторические или общественные события, функционирующие лишь в сознании или опыте носителей языка оригинала. Имплицитность затрудняет возможность передачи желаемых коннотаций с помощью соответствующих единиц переводящего языка и часто вызывает необходимость более распространенного, чем ожидалось бы в художественном тексте, объяснения. Содержащаяся в них культурологическая информация выражена эксплицитно в обширных сносках. Примерно, выражение *hojdenie w narod* – „*chodzenie w lud*” сопровождается подстрочной сноской „Agitacja prowadzona po wsiach przez rewolucjonistów-narodników” (В. А., с. 431) В свою очередь, фрагмент, в котором упоминаются происшествия, имеющие место во время коронации Николая II Александровича, т. е. „...когда там на Ходынском поле передавили кучу народа”¹¹, передается следующим образом: „... kiedy na Polu Chodyńskim zabito takie mnóstwo ludzi”, к этой фразе добавляется сноска: „18 maja 1896 r. w czasie festynu ludowego z okazji koronacji Mikołaja II zawaliły się konstrukcje drewniano-ziemne, co spowodowało śmierć około 2 tysięcy ludzi; kilkadziesiąt tysięcy zostało rannych” (В. А., с. 432). Обширное уточнение информации обладает воспитательно-образовательными достоинствами, но поскольку анализируется художественный текст, хотя и специфический, с огромной культурологической нагрузкой, стоило бы избегать при переводе подобных решений.

Единицы, требующие замены культурного фона

Бывают случаи, когда у представителей данной культуры возникают ассоциации, которые не появляются в другой языковой среде и невозможно передать их путем перевода значения ключевого слова. Примером может послужить предложение „*Furażki ponaехали*” (В. А., с. 470) и его соответствие „*Mundurowi przyjechali*” (В. А., с. 439). Выбор переводчика следует считать вполне оправданным. Слова *furażки* и *mundurowi* в обоих языках указывают на разговорный характер наименования и употребляются по отношению к определенным служащим, например, как и в данном случае – к полицейским. Различие заключается в мотивации рассматриваемых единиц. Мотивирующей основой являются: в русском языке – слово *фуражка*, обозначающее форменный головной убор с невысокой тульей, околышем и иногда с козырьком, встречаемый у солдат, офицеров, чиновников, гражданских служащих,

¹¹ Б. Акунин, Перед концом света, [в:] Б. Акунин, *Нефритовые четки*, Москва 2008, с. 462. Далее цитаты приводятся по указанному изданию в тексте в скобках, ср. (В. А., с. 462).

полицейских¹²; в польском языке – слово *mundur*, обозначающее главную часть официального костюма чиновников, солдат, полицейских и т. п. Денотат один и тот же – полицейский. Такая замена с учетом культурного фона, которую можно классифицировать как функциональный эквивалент¹³ позволяет носителям польского языка почувствовать такие же культурные и стилистические коннотации, какие возникают у носителей языка оригинала.

Бытовые реалии

В польском переводном тексте выступают, например, названия бытовых реалий, которые адаптировались к заимствующей их языковой системе, в результате чего воспринимаются польскими читателями с соответствующей коннотацией „русский”, ср. *квас* – *kwas*, *тройка* – *trojka*. Большинство наименований в исследуемом рассказе называет предметы материальной культуры. В этой сфере особо ярко выделяются наименования частей или элементов одежды, а также предметов, связанных с религиозным культом. К первой группе относятся, например, следующие транскрибированные формы: *валенки с галошами* – *walonki, шуба* – *szuba*. Они вводятся в текст прямо, поскольку не требуют дополнительных комментариев ни в языке оригинала, ни в языке перевода. Однако встречаются реалии, являющиеся настолько специфичными даже в исходной культуре, что объясняются уже в тексте оригинала, и таким образом как бы натурально раскрывается семантика их транскрибированных форм, хотя, наверное, внутренняя форма этих слов является более прозрачной для представителей исходной культуры. Иллюстрацией пусть послужат два фрагмента: „Это *лестовки*. У каждого старовера такая есть. И у меня тоже. – Он достал из-под английской рубашки расшитую жемчугом ленту. – Четыре треугольных «*лапостка*» – это Евангелие. А узелки называются «*бобочки*». По ним молитвы и поклоны считают» (Б. А., с. 525) и „*To są lestowki. Każdy staroobrzędowiec ma taką. Ja też. – Wyjął z za angielskiej koszuli naszywaną perełkami wstęgę. – Cztery trójkątne „lapostki” to Ewangelia. A te węzółki nazywają się „boboczki”. Służą do odliczania modlitw i pokłonów*” (Б. А., с. 490). Как видно, такая ситуация с точки зрения переводчика считается комфортной.

Редко значение реалии передается путем гиперо-гипонимического перевода, заключающегося в замене названия видового понятия родовым¹⁴, ср. *малахай* – *czapka, картуз* – *ten w czarpcie* или путем замены словом, дающим более образное представление о форме предмета – шапки, ассоциирующимся в сознании поляков с характерным русским головным убором, ср. *малахай* – *uszancka*.

¹² Л. В. Беловинский, *Энциклопедический словарь российской...*, с. 792.

¹³ К. Hejwowski, *Kognitywno-komunikacyjna teoria przekładu*, Warszawa 2006, с. 81.

¹⁴ В. С. Виноградов, указ. соч., с. 102.

В других случаях переводчик прибегает к сноскам. Они появляются, например, при названиях элементов одежды православных духовных лиц: *камилавка* – *kamilałka* (ср. „Nakrycie głowy duchownych prawosławnych – wysokie, cylindryczne, fioletowe lub czarne (u mnichów)” (В. А., с. 441), *подрясник* – *podriasnik* (ср. „Podobnie jak riasa, codzienny strój duchownych prawosławnych – długa szata z szerokimi rękawami” (В. А., с. 479), *скуфейка* – *skufja* (переводчик применил здесь транскрипцию вместо установленного в традиции эквивалента *skufia*) (ср. „Miękka spiczasta czapeczka z czarnego albo fioletowego aksamitu, noszona przez duchownych prawosławnych” (В. А., с. 479). По нашему мнению, приведенные комментарии считаются лишними, поскольку касаются элементов, несущественных с точки зрения хода повествования.

Много проблем вызвал перевод функционирующего в польском лексиконе соответствия слова *юродивый*. При первом упоминании в тексте полонизированной транскрибированной формы *jurodiwy* она оказывается соответствием слова *благочинный*, а не *юродивый*. Кроме того, слово *jurodiwy* снабжено сноской, в которой приводятся синонимичные словарные эквиваленты *nawiedzony* и *oblakany*. Далее, когда в оригинале выступает слово *юродивый*, в переводе встречается лексическая единица *nawiedzony*, а еще позже – опять же экзотирующая форма *jurodiwy*. Такие неясности нежелательны, тем более, что на фоне общей стратегии именно конкретные переводческие приемы непосредственно влияют на восприятие текста в иноязычной среде.

В ходе изложения неоднократно подчеркивалась необходимость осознания переводчиком, к каким последствиям приводят индивидуальные решения и каким образом потенциальными читателями воспринимаются результаты переводческих действий, особенно применения сносок, иначе говоря – учет лингвистических и экстралингвистических факторов.

Следует помнить, что анализировались тексты, подражающие классикам детектива. Выбор стратегии, т. е. усиленное ощущение чуждости гармонирует в данном случае с художественным жанром произведения, интенсифицируя атмосферу загадочности.

Высокая степень содержания культурологической информации в тексте, с одной стороны, без сомнения, затрудняет задачу переводчика, но с другой – это фактор, активизирующий диалог культур, что в результате приводит к пополнению знаний читателей и обогащению литературы переводящего языка.

SUMMARY

Annotation as a Strategy of Transferring Cultural Information

This study is devoted to the problem of translating the texts, which contain cultural information coded explicitly and implicitly. The subject matter of the analysis is Polish version of Russian detective story *Before the end of the world* written by Boris Akunin and translated by E. Rojewska-Olejarczuk.

Different groups of lexems were analysed, e.g. anthroponyms, toponyms, realities, names denoting police and church hierarchy as well as lexems, which require changing the cultural background. The strategy of adding the brief explanation to such words in text was also presented.

The author elaborates on the consequences of using so many annotations in the literary text, which seemingly serves to and intensify the feeling of strangeness encountered by the recipients with a different culture background.